Адаптация интеллигенции к условиям «построения социализма» в Беларуси (1920 – 1930-е годы)

О. А. ЯНОВСКИЙ

Кафедра истории России Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Национально-культурный подъем, который был характерен для Беларуси с конца XIX в., в значительной степени усилился после событий 1917 г. Он и обусловил реализацию давних идей создания и белорусского университета, и научного центра по исследованию белорусской культуры, и ряда иных научных и краеведческих обществ. Тем самым народ, проживавший на территории, которая прошла в своей истории через различные формы государственности и почти 150 лет составляла часть Российской империи и более всего соприкасалась с европейской цивилизацией, наконец-то получал возможность готовить и использовать национальные кадры высшей квалификации в интересах прежде всего Беларуси. Реализации такой возможности способствовала и определенно высокая научно-образовательная традиция: она сформировалась исторически вопреки всей великоимперской и русификаторской политике самодержавия.

И в Беларуси революционный водоворот вынес наверх именно советскую власть. На первых порах политическая ситуация продиктовала ей необходимость считаться с национальными устремлениями белорусов. Новая власть, учитывая общественное мнение, поставила задачу создать национальный университет. Тем не менее констатировалось, что учреждение университета в Минске будет способствовать не только всестороннему изучению “особенностей края», но и его «сближению во всех областях с Россией”.[1] А в июле 1921 г. лидер большевиков Беларуси В. Кнорин подчеркнул, что “открытие БГУ – праздник коммунистической партии Белоруссии и всех трудящихся”.[2] Подготовка кадров для идеологического обеспечения развернувшихся революционных преобразований была определена как главная задача.

К началу занятий на правительственном уровне первыми профессорами университета были утверждены не только крупнейшие ученые, сформировавшиеся в университетских и научных центрах Российской империи (Д. П. Кончаловский, Н. М. Никольский, В. Н. Ивановский, Н. Н. Андреев, В. В. Якунин и др.), но и собственно белорусы, имевшие высшее образование и хоть какой-то опыт педагогической или научной работы (С. З. Каценбоген, Ф. Ф. Турук, С. Д. Вольфсон, медик-практик М. Б. Кроль и др.). Характерно, что среди подобных «профессоров» был утвержден даже секретарь коммунистической партии Беларуси, латыш по национальности В. Кнорин (уровня выпускника учительской семинарии было достаточно, чтобы читать лекции по политической экономии).[3] А историю Беларуси читал такой же «профессор», но белорус – народный комиссар просвещения Всеволод Игнатовский.[4]

---

[1] Национальный архив Республики Беларусь (далее – НА РБ).. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2. Л. 36.
[2] *Вестник Наркомпроса ССРБ*. 1921. № 1. С. 21.
[3] *Труды Белорусского государственного университета в Минске*. 1922. № 1. С. 203 – 204.
[4] НА РБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 3190. Л. 5.

Архивы содержат достаточно информации о судьбах многих представителей белорусской университетской и научной интеллигенции: тех, кто вполне искренне стремился адаптироваться к реалиям «новой жизни», и тех, кто так и не смог ее воспринять, но был вынужден подчиниться обстоятельствам. Многие из них, невзирая на свое лояльное отношение к пролетарской власти, оказались обвиненными во всех «смертных грехах». Сталинский режим, не изобретая ничего нового, довел до абсолюта древний принцип “devide et impere”. Реализация этого принципа в высокоинтеллектуальный среде была в особенности беспощадной и постоянной. Уже с конца 20-х годов реальные творческие заботы белорусских интеллектуалов стали отходить на второй план, уступая первенство мелкой возне, взаимным обличениям, предательству. Машина, запущенная тоталитарной властной системой, стала уничтожать всех подряд.

Так, университетские историки, как и историки Белорусской академии наук, стали одними из первых жертв репрессивной сталинской машины. Во всех отношениях примечательна в этой связи судьба первого университетского ректора В. И. Пичеты. Его биография характерна для интеллигенции «старой» дореволюционной России, которая вынуждена была смириться с начавшимся переустройством и приспособиться к нему. Он принял под свое руководство белорусский университет, уехав из насиженной Москвы в разоренный Минск. На протяжении всей работы в БГУ Пичета нацеливал ученых и студентов на разработку белорусской тематики. Сам он, несмотря на колоссальные административные нагрузки, создал почти 150 работ по истории, источниковедению, археологии, археографии Беларуси. Он не сомневался в том, что белорусские историки должны направить все усилия на “создание истории белорусского народа, отказавшись от взглядов на историю Белоруссии как на часть истории Москвы, Польши или Литвы”. Он научно обосновывал давнее существование “белорусско-литовского государства” и “белорусского народа”.[5] Доказательство своим утверждениям он находил в архивах, в том числе и зарубежных (Литвы, Германии, Польши, Чехословакии, Норвегии и др.), которые регулярно на протяжении всех 20-х годов посещал. Он способствовал установлению научных связей с учеными Кельна, Варшавы, Праги, Осло и других европейских центров.

Однако ректор воспринимался партийно-государственными структурами не только как ученый и организатор образования, науки, культуры, но как защитник и интерпретатор официальной идеологии, ее “рассадник”. Однако он никогда не снизошел до бичевания то ли “великодержавного шовинизма”, то ли “местного буржуазного национализма”. На такую непонятливость власти неминуемо должны были отреагировать. Это произошло в 1929 г., когда в целом гонения на представителей “старой” дореволюционной интеллигенции достигли апогея. Сталинский режим мог себе позволить в очередной раз перебрать кадры, чтобы “отсеять” неугодных, запугать и принудить к беспрекословному повиновению сомневающихся. Пичета был арестован по обвинению в деятельности по “быстрейшему осуществлению планов интервенции против СССР” и как “белорусский буржуазный националист и великодержавный шовинист”. Годы заключения в ленинградской тюрьме и ссылки стали для него не самым худшим итогом обвинительного заключения.

Трагический финал ожидал и многих других университетских и

[5] Савецкая Беларусь. 1922. 17 кастрычніка; 1923. 14 сакавіка.

академических ученых. Некоторые оказались жертвами надуманных обвинений уже после реализации установок мартовского 1926 г. пленума ЦК КП(б) Беларуси о необходимости идейной борьбы с национал-демократизмом, когда были проведены проверки состава интеллигенции. Они показали, что в БГУ есть “угрозы для дела Партии”, что профессор Дмитрий Жаринов – “великодержавный нацдэм”, доцент Павел Тремпович – просто “нацдэм”, а белорус-языковед Иосиф Лёсик – “белорусский нацдэм” (то есть так называемые «национал-демократы», а равно сторонники белорусского возрождения). Всего комиссии назвали имена 32-х “политически сомнительных” преподавателей университета. Многие из них были, как тогда писали газеты, “вычищены” из БГУ. Такие чистки продолжались и в дальнейшем. Из семи ректоров, которые возглавляли университет в 1921 – 1941 гг., шесть были репрессированы. Из них два ректора расстреляны (И. П. Кореневский и А. И. Дьяков), один отправлен в ссылку (В. И. Пичета), один (Н. М. Бладыко) – в лагеря, двое отсидели срок в тюрьме (И. Т. Ермаков и В. С. Бобровницкий). Схожи «итоги адаптации» к советским реалиям ученых Белорусской академии наук. Если в начале 30-х гг. 31 ученый, обвиненный в антисоветской деятельности, был «всего лишь» лишен академических званий и выслан, то уже вскоре наказания достигли своего предела – смертной казни. Власть лишила жизни трех президентов Академии (В. М. Игнатовского, П. О. Горина, И. З. Сурту), двух вице-президентов (В. К. Щербакова и Т. Ф. Домбаля), а всего репрессиям в 1937 – 1938 гг. подверглись около 150 ее сотрудников.[6] В списках репрессированных, составленных по различным источникам, в том числе по материалам архива КГБ, значатся имена многих сотен университетских преподавателей и студентов, научных работников и лаборантов Академии. Характерна эволюция обвинений в их адрес. На рубеже 20 – 30-х гг. интеллигенции инкриминировали участие в «антисоветских националистических организациях», «шпионско-террористическую деятельность», «вредительство и антисоветскую агитацию», «членство в подпольной троцкистско-террористической организации», «вредительство в области просвещения» и др. Затем среди белорусских ученых стали «выявляться» «агенты германской разведки», «немецкие пособники», «члены контрреволюционной национал-фашистской организации». А исполнявший обязанности ректора БГУ А. С. Кучинский и вовсе под нечеловеческими пытками согласился признать свое участие в подготовке покушения на «одного из руководителей Советского государства» – Климента Ворошилова.[7] И был расстрелян в черную для белорусского национального возрождения ночь (с 29 на 30 октября 1937 г.) вместе со многими своими коллегами – преподавателями, учеными, литераторами, студентами, а также высокопоставленными государственными и партийными работниками.[8]

Под “расстрельную статью” попал и преемник Пичеты на посту ректора БГУ Иосиф Петрович Кореневский. Он был белорусом, но уже ректором другой – советской генерации. Его образование ограничивалось Виленским учительским институтом, что не создавало основания для научной деятельности. Несомненно, он много сделал для проведения в университете политики белорусизации, когда белорусские язык, история, культура, традиции твердо и последовательно прививались первым поколениям белорусской же интеллигенции, которую готовил

---

[6] Национальная академия наук Беларуси: 1929 – 1999 / Под науч. ред. Н. А. Борисевича, А. П. Войтовича. Минск, 1998. С.23.

[7] Архив Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (далее – Архив КГБ РБ). Архивно-учетное дело № 10604-с. Л.78, 223.

[8] Маракоў Л. У. Ахвяры і карнікі. Мінск, 2007. С.6, 52.

университет. Одновременно ректор способствовал тому, что партийная и комсомольская организации стали внедрять проведение над студентами так называемых “политсудов”, когда за неуспеваемость из университета исключали немногих, в то время как “за сокрытие социального положения” – десятками. Однако подобное рвение не уберегло ректора. В феврале 1931 г. из Москвы были затребованы документы на президента Белорусской академии наук Всеволода Игнатовского, который не выдержал допроса в ОГПУ и покончил жизнь самоубийством. Белорусские спецслужбы в докладной записке по этому факту, направленной лично Льву Кагановичу, в числе “врагов” назвали и имя Кореневского.[9] Через несколько месяцев он был снят с поста ректора. В июле 1937 г. его арестовали как “активного участника контрреволюционной организации” и вынудили под пытками признать свою “вину”: проведение “нацфашистской работы в БССР”, “связь с белопольскими агентами” и личные встречи с Ю. Пилсудским, “протаскивание нацфашистской контрабанды” и “переброску нацфашистов в Минск”.[10] После такого “следствия” “суду” в течение 15 минут оставалось только подписать уже заранее готовый обвинительный приговор: в ту же ночь с 29 на 30 октября 1937 г. Кореневский был расстрелян.

Схожий путь «адаптации» к изломам партийно-советской политики по национальным и прочим вопросам прошли и следующие университетские ректоры. Иван Федорович Ермаков – крестьянский сын из Витебской губернии, сумел до революции осилить только учительскую семинарию. А Ананий Иванович Дьяков стал руководителем корпорации профессоров и студентов с образованием на уровне волостной школы. Но этого их образования хватало, чтобы руководить университетом, низведенном после «чисток» и «разукрупнений» до жалкого подобия высшего учебного заведения: число студентов сократилось почти в пять раз, а научно-педагогический коллектив состоял из 13 профессоров, 24 доцентов и 23 ассистентов.[11] Кадры исчезали или в застенках спецслужб, или покидали небезопасный Минск, или просто умирали, не всегда выдерживая стрессов и не совсем сытной жизни. Правда, власти сочли возможным и в таких условиях открыть в БГУ аспирантуру на 13 мест (летом 1933 г.), хотя запуганная и потерявшая жизненные ориентиры белорусская молодежь с опаской поглядывала на столичный университет. Сложно было деревенскому парню или девушке вырваться в город в условиях развертывания “сплошной коллективизации”, а горожанина лозунги звали на “ударные индустриальные стройки”. Ермаков уже во время следствия писал, что наступила “...полная волна отлива. Все спрятались по своим норам. Никто ничего не знал, где кто...”[12] Он “сознался”, что занимался в БГУ “шовинистическим воспитанием студентов”. Но экс-ректору повезло: в начале 1940 г. уголовное дело по его обвинению было приостановлено.

Иной оказалась судьба Анания Ивановича Дьякова. Весною 1934 г. он принялся наводить порядок в БГУ и ответственно реализовывать постановления партии и правительства о преподавании истории как “рассаднике” выверенной советской идеологии. Сам даже возглавил одну из кафедр, читал курсы ленинизма и диалектического материализма и до предела ужесточил “классово правильные” принципы, чтобы выявить как «особ из классово чуждых элементов”, так и

[9] *Ігнаценка І., Кароль А. Усевалад Ігнатоўскі і яго час*. Мінск, 1991. С. 113.
[10] Архив КГБ РБ. Архивно-учетное дело № 16406-с. Л. 16, 21, 35, 37.
[11] НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 463. Л. 40; Д. 469. Л. 89, 104; Д. 531. Л. 20.
[12] Архив КГБ РБ. Архивно-учетное дело № 4330-с. Л. 73.

“лояльных к власти молодых представителей из советского пролетариата, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции”.[13] Убеленные сединами профессора и юные студенты со схожим рвением писали ректору (конечно, не только ему!) заявления, в которых “сигнализировали” друг на друга то в связи с “неправильным цитированием В.И.Ленина”, то о “спрятанном социальном происхождении”, то о “распространении контрреволюционных анекдотов” и т.п.”[14] И ректор обязан был реагировать. Секретарь парткома БГУ докладывал ему, что “парторганизация провела проверку человеческого состава БГУ, было исключено до 80 классово-чуждых студентов”, используя для их выявления своих информаторов в общежитиях.[15]

Но, несмотря на столь явные лояльность и рвение, в мае 1937 г. Дьяков оказался в застенках НКВД по обвинению по делу о так называемом “Объединенном антисоветском подполье”. Следствие вел младший лейтенант, который не выбирал средств при наборе необходимых “фактов»: он “бил их (арестованных) руками, садил на стул, затем вынимал стул и они падали на пол; ложил их на пол, сгибал вдвое и ставил сверху стул, садился на него и сидел до тех пор, пока эти лица не начинали давать показания”.[16] Дал “показания” и ректор Дьяков, и ректор Кореневский, и декан-историк Щербаков и многие другие. Все они были расстреляны ровно в 16-ю годовщину создания хотя и Белорусского, но все же государственного университета: 30 октября 1937 года.

Удивительно, но интеллигенция советской Беларуси, понеся колоссальные потери, сумела в целом сохранить в себе творческий потенциал, переданный “старой” дореволюционной интеллигенцией, и ту интеллектуальную базу, которая была заложена в 20-е годы, прошедшие под знаком «новой экономической политики». Сохранить, несмотря на тотальное уничтожение лучших её умов и режимом Сталина в 30-е годы, и фашизмом в годы 40-е. Разгадка такой выживаемости, наверное, заключена в исторически сложившейся, природной приспособляемости населения Беларуси к военному и властному давлению, в его общей ментальности, в стремлении искать пути к постижению культурных ценностей самого высокого уровня.

Summary

Adaptation of the intelligentsia to the conditions of „construction of socialism“ in Belarus

Basing on a wide range of archival materials including documents from the Archive of the Committee for State Security (KGB) and the National Archives of the Republic of Belarus, the author demonstrates that the repression of the Belarusian intellectuals conducted by Stalin´s regime during the 1920s and 1930s was aimed at gradual elimination not only of non-conformist teachers and scientists, but of those loyal to the regime as well. That is why we cannot speak of the Belarussian intelectuals´ “adaptation” to the Soviet regime: they had to survive and adjust to the existing conditions, but their further development was impossible.

[13] За ленінскія кадры. 1935. 1 верасня.
[14] НА РБ. Ф.205. Оп.1. Д.618. Л.16.
[15] Бальшавік Беларусі. 1935. № 7. С. 67-72.
[16] Архив КГБ РБ. Архивно-учетное дело №.10175-с. Л.157.